

УДК 314.743-748+371.671.11

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.188-198

**ИЗДАНИЕ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ТЮРКО-ТАТАРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 30–40-е ГОДЫ XX ВЕКА***

Д.М. Усманова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматривается ситуация с учебниками и учебной литературой, издававшимися представителями тюрко-татарской эмиграции Дальнего Востока в 30–40-е годы XX в. для нужд начальных татарских школ, функционировавших в ряде городов Маньчжурии и Японии (Токио, Нагоя, Мукден, Харбин, Хайлар и др.). Эти издания были призваны обеспечить учебной литературой начальные (4–6-классные) национальные школы, в которых доминировал гуманитарный и культурно-национальный компонент. По причине малочисленности общин, отсутствия технической базы и дефицита материальных ресурсов переиздавались отдельные, в основном уже проверенные в дореволюционный период и популярные среди населения учебники по татарскому языку, национальной истории и началам арифметики. Таким образом, тюркоязычная эмиграция в силу ряда причин не могла создавать новый оригинальный контент и воспроизводила исключительно дореволюционное учебно-педагогическое наследие. В то же время эти факторы помогали сохранить у новой генерации тюрко-татарской эмиграции преемственность поколений, способствовали ее включению в общекультурный национальный контекст. Издательское дело дальневосточной эмиграции в рамках дореволюционной письменной традиции дольше всех (по меньшей мере, до начала 50-х годов XX в.) основывалось на арабской графике.

Ключевые слова: тюрко-татарская эмиграция, Токио, Хайлар, Мукден, учебная литература, Мухаммед-Габдулхай Курбангалиев, Ахмет-Хади Максуди, Мухитдин Курбангалиев, Галимджан Ибрагимов

На рубеже XIX – XX вв. и особенно в начале 20-х годов на Дальнем Востоке, за пределами Российской империи, а затем Советской России, стала формироваться значительная по численности тюрко-татарская община. Важным фактором ее формирования явилось строительство на территории Маньчжурии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) (см. [1, 2]). Вдоль железной дороги, в экстерриториальной зоне отчуждения, возникали или разрастались населенные

* Статья основана на главе из коллективной монографии «Корабли из бумаги: эмиграция и учебная книга в XIX – XX вв.: Историко-педагогическое исследование» (под ред. М.А. Козловой, В.Г. Безрогова, О.В. Кабашиевой, которая планируется к изданию в рамках трудов семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики» (Вып. 20. М., 2020). Печатается с любезного разрешения редакторов коллективной монографии.

пункты с жителями, обладавшими российским подданством. По российским статистическим данным, в полосе отчуждения КВЖД (которая считалась сферой российской юрисдикции до начала 20-х годов) в 1907 г. проживало 48 870 российских граждан (без различия национальности). Самый крупный из этих городов с уникальной судьбой – Харбин. Например, в начале XX в. (1903) в Харбине проживали 15 579 русских подданных (и 28 338 китайцев). Накануне революции 1917 г. общая численность горожан Харбина уже превышала 100 000 человек, из которых россиян было не менее 40 000 [3, с. 58]. В то же время группа татароязычных россиян до революции была не более 200–250 человек. Примерно такие же или чуть меньшие по численности группы татар проживали накануне революции в городах Маньчжурия, Хайлар, Далянь (Дальний), Гирин, Синьцзин, Мукден, на станции Пограничная и др. Таким образом, общая численность тюрко-татар в начале XX столетия в районе КВЖД составляла приблизительно около полутысячи человек.

После революции общая численность как россиян, так и собственно тюрко-татар за короткое время возросла в несколько раз, в основном за счет гражданских беженцев и переселенцев с российскими паспортами, остатков белогвардейских воинских формирований, казачьих отрядов и пр. (см. [4, 5]). В 20–40-е годы XX в. в различных городах и населенных пунктах Китая, Маньчжурии, Кореи и Японии проживало весьма значительное количество выходцев из Российской империи. В целом, по разным подсчетам, в 20-е годы на Дальнем Востоке (Харбин, Хайлар и пр.) за пределами Советской России оказалось не менее миллиона россиян, в том числе до 5–6 тыс. мусульман тюрко-татар.

Известный татарский эмигрант Али Акыш (1918–2011), выросший в Хайрале, вспоминал: «Общая численность проживавших на Дальнем Востоке татар была около 6000 человек, среди них самой многочисленной была наша хайларская колония. В то время, когда я учился в школе, в Хайларе жило не менее тысячи человек»¹ [6, с. 14–15]².

Еще более полутысячи тюрко-татар обосновались в городах Японии: Токио, Кобе, Нагоя – и в полуколониальной Корее (столица Кейдзё, или Сеул в настоящее время). Точные цифры в абсолютных показателях назвать чрезвычайно сложно в силу того, что не было переписей, а также в силу «текучести» населения. Можно предположить, что удельный вес тюрко-татар, проживавших на Дальнем Востоке, колебался в пределах 1–1.5% от общей массы российских эмигрантов и обладателей советских паспортов, иначе говоря, в «пределах статистической погрешности». Вопреки тому, что в эмиграции совершались бракосочетания, рождались дети, естественный прирост был небольшим и не покрывал естественную убыль эмигрантов. В период с 1945 по 1953 г. наблюдается массовый отток бывших эмигрантов-россиян как частично в виде репатриации на родину (добровольной или вынужденной в основном из оккупированной Маньчжурии), так и в виде (добровольного) переселения в Турцию, США и другие страны [7, р. 19].

¹ Здесь и далее перевод наш. – Д.У.

² Книга А. Акыша в переводе на татарский язык вышла в 2007 г.: *Акыш Г. Исемдә калганнар*. Казань, 2007.

Несмотря на относительную малочисленность и распыленность тюрко-татарских общин по разным населенным пунктам, в большинстве из названных городов татары стремились самостоятельно обеспечивать свои общекультурные, образовательные и духовно-религиозные нужды (см. [8, с. 99–100; 9; 10; 11, с. 268]). Вероятно, этому способствовал опыт самоорганизации на исторической родине, где им также не приходилось надеяться на помощь государства. Поэтому довольно быстро представители тюрко-татар стали сначала арендовать, а затем и строить отдельные здания для мечетей и культурных целей, открывать школы, общественные библиотеки, читальни и пр.

В частности, в Харбине мечеть была основана в 1907 г. Тогда же возведено деревянное здание мечети, а современное каменное здание было построено и открыто 15 октября 1937 г. Начальная пятиклассная мусульманская школа в Харбине была открыта в 1908 г. По имени ее основателя и первого руководителя – харбинского имама Гиниятуллы Селихметова (Г. Ахмади, 1879–4.09.1926) – она была названа «Гиният». Школа располагалась в каменном двухэтажном здании (д. 55/8, угол Биржевой и Артиллерийской улиц), где помимо собственно школы размещались также правление общины, библиотека, приют для престарелых и неимущих, а также интернат для школьников. Общее количество учеников в отдельные годы достигало 80–100 человек, тогда как в период угасания общины оно сократилось до 30–40 человек. С конца 30-х годов татарская школа функционировала в режиме «воскресной школы» (то есть обучала родному языку, давала знания по истории, литературе, а также формировала религиозные и общекультурные представления) и окончательно была закрыта в середине 50-х годов, когда из Харбина стали массово уезжать уцелевшие в войну татарские эмигранты, а также возвращаться на родину татары, сохранившие советское гражданство.

Небольшие начальные национальные школы были в разные годы организованы на станции Пограничная (не более 20–25 детей), в Шанхае, Мукдене и других городах. В Хайларе собственная начальная тюрко-татарская школа под названием «Хайларская мусульманская тюрко-татарская начальная школа» («Хайлар мөселман төрек-татар башлангыч мәктәбе») особенно активно функционировала в 1920–1930-х гг. В ней также училось до 80–100 детей [12, с. 37]. Учившийся в этой школе в 1924–1929 гг. Али Акыш вспоминал следующее: «В начальной школе, начиная с третьего класса религиозные уроки вел Хатип Халиди, уроки родного языка – Рабига Бакирова. Также с третьего класса вводились уроки русского языка. В четвертом и пятом классах мы изучали Коран и историю ислама, хадисоведение, а также тюрко-татарскую историю, естествознание, основы синтаксиса. Татарскую историю изучали по работе Газиза Губайдуллина» [6, с. 16]. В 20-х годах, помимо имама Хати́па Халиди (1893–1978), возглавлявшего религиозную общину Хайлара, в школе преподавали три учительницы (Рабига Бакирова, Зайнап и Марьям Акчурины), из них одна в первом классе, две – в старших классах.

На территории Японии первая мечеть была построена в Кобе [13, с. 117]. Современное здание каменной мечети строилось в 1934–1935 гг. и было торжественно открыто 11 октября 1935 г. Рядом с мечетью было построено отдельное двухэтажное деревянное здание начальной школы, погибшее во время американских бомбардировок 1945 г.

Второе по времени здание мечети было построено в г. Нагоя, где в 30-х годах функционировала численно небольшая, но хорошо организованная татарская община. Весной 1931 г. здесь было зарегистрировано «Исламское общество города Нагоя», члены которого с самого начала озаботились открытием национальной школы. На средства общины в 1933 г. было арендовано здание, 11 сентября 1934 г. открыта небольшая начальная религиозно-национальная школа («Нагоя мусельманларның дини вә милли мәктәбе»), приглашен учитель (Гималетдин Баймухаммед). Поначалу общее количество учеников едва достигало полутора десятков. Однако постепенно арендуемое здание явно перестало вмещать всех учеников. В марте 1935 г. состоялось большое общее собрание членов махалли (общины), постановившее инициировать строительство отдельного здания мечети с особым помещением для национальной школы. Осенью того же года было получено официальное разрешение, а на следующий год началось строительство, завершившееся торжественным открытием здания 12 января 1937 г. На первом этаже располагалось помещение для религиозных обрядов, а на втором – национально-религиозная школа. Здание мечети и школы погибло во время бомбардировки города 14 мая 1945 г. [13, с. 124–125]. Тогда же школа была закрыта, поскольку большая часть членов общины, продав землю, переселилась в Кобе.

Собственная мечеть (сначала в арендованных помещениях, затем в современном каменном здании, открытом в 1938 г.) и начальная школа были также у представителей токийской татарской общины. Исламская начальная 4- или 6-классная школа в Токио была основана в 1927 г. В 1938 г. к десятилетию основания школы был издан специальный праздничный альбом с большим количеством фотографий «Иллюстрированный альбом, изданный в память о десятилетии Токийской мусульманской школы (1927–1937)» («Токиода Мәктәб-е Исламияның 1927–1937 ун еллык хатирәсе өчен төзелгән рәсемләр мәжмугасы»). Текст «Альбома», содержащий подробную информацию о работе токийской школы, был воспроизведен репринтным способом в Японии и частично переиздан в Казани на современном татарском языке [14, б. 255].

В середине 30-х годов исламская община в Токио раскололась на две противостоящие друг другу группы, каждая из которых имела собственную начальную школу: традиционная «Исламская школа» («Мәктәбе исламия») и Татарская школа при Обществе тюрко-татар Идел-Урала. К началу 40-х годов в обеих школах учились не менее 30–40 детей. Также из числа токийских татар около 20–25 подростков учились в иностранных (как правило, американских) или японских школах среднего уровня.

Из сказанного можно сделать некоторые общие заключения: тюрко-татарские общины в городах и населенных пунктах Дальнего Востока (Китай, Маньчжурия, Корея и Япония) были в целом немногочисленными, однако довольно организованными и сплоченными. Практически везде, по мере появления более-менее крупной общины, открывались культовые здания и начальные школы, в которых дети могли получать общенациональное образование. В более многочисленных общинах (Харбин, Хайлар, Токио, Кобе) для национальной школы, как правило, строилось отдельное здание. В немногочисленных общинах (Нагоя) для школы или арендовалось здание, или же использовалась часть помещения мечети. Таким

образом, здание мечети выполняло одновременно религиозные и образовательные функции. Из всех упомянутых национальных школ наиболее организованной, особенно в первой половине 30-х годов, являлась токийская исламская школа. Она была открыта с разрешения властей, а учебная программа в целом согласована с учебными программами японских школ. Впрочем, все татарские начальные школы функционировали с разрешения местных властей. Почти все известные на Дальнем Востоке татарские школы были также пяти- или шестилетними с минимальным числом (обычно 3–4 человека) учителей, что объяснялось ограниченностью материальных и интеллектуальных ресурсов, которыми обладали в целом не очень многочисленные тюрко-татарские общины.

Среднее и высшее образование татарские дети получали уже или в русскоязычных учебных заведениях (например, в Харбине или Хайларе – в русских гимназиях), или же в иностранных (американских) лицеях и гимназиях. Наконец, незначительная доля татарских детей поступала в местные школы и университеты. Определенная часть тюрко-татарской молодежи в начале 20-х годов уезжала получать высшее образование в Европу (Германию), Америку или на Ближний Восток.

В национальных школах, открываемых тюрко-татарскими общинами, давалось только начальное образование со значительным религиозным и историко-культурным компонентом. Все это определяло репертуар и специфику учебной литературы, используемой представителями тюрко-татарской эмиграции.

Наличие сети собственных учебных заведений, ориентированных на национальное и религиозное образование, диктовало потребность в учебной литературе. До революции 1917 г. эта проблема решалась в основном за счет привозимой из России различной литературы на татарском языке. С начала 20-х годов, особенно после укрепления советской власти, закрытия границ, проведения советских реформ (смена алфавита с арабской графики сначала на латиницу, затем на кириллицу), преследования контактов советских людей с иностранцами и т. д., такие возможности стали всё заметнее иссякать. Следовательно, представители тюрко-татарской эмиграции были вынуждены опираться на внутренние ресурсы. Тем более что вывезенная при бегстве с родины литература подвергалась естественному износу. Или ее просто не хватало.

Обозначенные выше обстоятельства актуализировали необходимость издания учебной литературы. И если обратиться к издательской деятельности представителей тюрко-татарского сообщества на Дальнем Востоке, то следует сказать о тех ресурсах, которыми располагали представители этих крайне малочисленных общин.

Прежде всего, необходимо иметь в виду, что тюрко-татары, проживавшие на Дальнем Востоке, по меньшей мере до конца 40-х годов использовали в качестве основного арабский алфавит. Из всех тюркоязычных общин дальневосточная, пожалуй, дольше всех сохраняла арабский алфавит как основу национальной письменности. С конца 40-х годов начинается повсеместный переход татароязычных эмигрантов на латиницу (в Турции – уже с конца 20-х годов, в Финляндии – с 30-х годов).

Поскольку на Дальнем Востоке традиционно не было типографий с арабским шрифтом, первые публикации издавались обычно полукустарным способом

(литография, гектография и пр.). Первая полупрофессиональная типография с арабским шрифтом (*Матбуга-и исламия*) была основана в Токио в 1929–1930 гг., после того как по инициативе имама Мухаммед-Габдулхая Курбангалиева из Турции в Японию были привезены арабские шрифты (рубеж 1929/1930 гг.) [15, s. 16; 16, s. 103; 17, p. 18]. В Турецкой республике только что прошла реформа алфавита и арабские шрифты за ненадобностью распродавались по дешевке. Средства для покупки шрифтов и обустройства мусульманской типографии были собраны проживавшими в Японии татарами.

Изначально было заявлено, что типография будет печатать общественно значимые тексты, прежде всего школьно-учебную литературу и национальную художественную литературу на татарском языке. Вскоре выяснилось, что среди эмигрантов нет людей с опытом типографской деятельности, так что эту профессию пришлось осваивать практически с нуля самому редактору и его помощникам. Кроме самого имама и членов редакции, было вероятно несколько взрослых типографских работников. Помимо этого, к типографским делам в качестве помощников и учеников привлекались ученики *Мектеб-е исламия*.

С 1930 до конца 40-х годов в этой типографии было издано около сорока наименований. По подсчетам исследователей Набоа Мисава и Али Мертана Дюндара, проанализировавших 38 изданий, было опубликовано 19 книг религиозного содержания, 8 литературных произведений, 1 сборник стихотворений с нотами, 4 учебника по грамматике и 6 книг различного содержания [17, p. 30–39].

В 1930–1931 гг. были переизданы знаменитые популярные брошюры Ахмет-Хади Максуди («Намаз», «Гакаид», «Руза» и др.), освещавшие основы обрядовой стороны и базовые принципы исламской догматики. С рубежа XIX – XX столетий эти сочинения известного татарского просветителя были не только чрезвычайно популярны среди простого татарского читателя, но и активно использовались в начальной школе как учебные пособия, не будучи таковыми в строгом смысле этого слова. Таким образом, воспроизводство сочинений А.-Х. Максуди предшествовало переизданию собственно учебной литературы и лишь отчасти решало проблему недостатка последней.

В строгом смысле этого слова к учебной литературе могут быть отнесены только пять изданий:

- 1) Сөнгатулла Бикбулат(ов). Ислам тарихы (Дәрес китабы). Токио: Матбуга-и исламия, 1931. 125 б.;
- 2) Мөхетдин Корбангали, Г. Батгал. Татарча уку. Токио: Матбуга-и исламия, 1933. 69 б.;
- 3) Галимжан Ибраһим. Татарча сарыф. Токио: Матбуга-и исламия, 1935. 80 б.;
- 4) Галимжан Ибраһим. Татарча нәхү. Токио: Матбуга-и исламия, 1935. 77 б.;
- 5) Мөхетдин Корбангали (мөгаллим). Татар әлифбасы. Токио: Матбуга-и исламия, 1936. 74 б.

Следовательно, сугубо учебным изданием является, по меньшей мере, каждая восьмая-десятая книга, отпечатанная в Исламской типографии (*Матбуга-и исламия*) Токио. Все эти книги являлись переизданиями учебников, изданных в России еще в дореволюционный период. Все авторы (за исключением

Г. Баттала³) остались в Советской России. Учебник «Татарский букварь» Мухитдина Курбангалиева (1873–1941) впервые был издан еще в 1912 г. и потом неоднократно переиздавался. До 1918 г. букварь М. Курбангалиева переиздавался семь раз, и его общий тираж превысил 75 тыс. экземпляров [18, с. 54]. Еще одним весьма популярным автором учебной литературы был писатель и педагог Сунгатулла Бикбулатов (1886–1954). Его перу принадлежат учебники грамматики арабского языка и книги по истории ислама. Первые его труды: учебник по истории ислама под названием «Дин дәресләре» и книга по истории ислама «Ислам тарихы» – были изданы еще в 1916–1918 гг. и сразу заняли важное место в ряду аналогичной учебной литературы в татарских мектебе и медресе. Это не случайно, поскольку С. Бикбулатов смог получить лучшее на тот момент исламское образование: он учился в уфимском медресе «Хусаиния» (1895–1906) и каирском исламском университете «Аль-Азгар» (1906–1910), посещая одновременно в качестве вольнослушателя Каирский педагогический институт и только что открытый светский Каирский университет (см. [19]).

Два учебных пособия базировались на «Грамматике татарского языка» (1911), принадлежавшей перу известного татарского писателя Галимджана Ибрагимова (1887–1938). Это сочинение также было хорошо известно и чрезвычайно популярно в качестве учебника грамматики татарского языка в новометодных медресе в предреволюционный период.

Таким образом, очевидно, что в токийской типографии переиздаются учебники и учебные пособия известных татарских деятелей начала XX в., пользовавшиеся популярностью в новометодных медресе. Вероятно, эти книги были вывезены эмигрантами из России и переизданы уже в Токио в качестве учебников для токийской и других татарских школ. Например, «Татарский букварь» Мухитдина Курбангалиева (1936) был издан по заказу и на средства татаро-мусульманской общины Сеула.

Помимо учебников в качестве учебной литературы зачастую использовались сугубо художественные произведения (например, пятитомный сборник сочинений Габдуллы Тукая) или же религиозно-догматические сочинения. Тем более что в татарской школе в обязательном порядке преподавались история, догматика и обряды ислама. Единственным «оригинальным» учебным пособием стал набор отдельных букв арабского алфавита для обучения детей арабской графике (1936).

Интересно, что японские татары не только воспроизводили тексты известных учебных пособий, но и дублировали некоторые традиции дореволюционных татарских новометодных медресе. Например, выпускники начальной школы г. Нагоя получали итоговое свидетельство (*Шухадэтнамә*), копировавшее известный аттестат казанских медресе предреволюционного периода. На бланке были фотопортреты тех же национальных героев, что и на казанском образце: Шигабутдин Марджани, Риза Фахретдин, Габдулла Тукай, Фатых Амирхан, Галиаскар Камал, Юсуф Акчура и др., то есть облики признанных ныне классиков татарской литературы и общественной мысли.

³ Баттал Габделбари (полное имя: Саеббаталов Габдулбари, в Турции: Габделбари Баттал-Таймас, 1883–1969) – публицист, литературовед, историк. В дореволюционный период занимался журналистикой. С 1921 г. в эмиграции, жил в Турции, автор ряда популярных исторических сочинений (Казанские тюрки, 1925, Казанские знаменитости, 1954–1957) и воспоминаний.

Вторым центром, где на Дальнем Востоке издавалась татароязычная литература, в том числе и учебники, стал город Мукден, который в 30–40-х годах был одним из самых крупных и важных городов полуколониального Маньчжоу-го. В середине 30-х годов при активном участии Гаяза Исхаки здесь была основана типография с арабскими шрифтами. Помимо газеты «Милли байрак» («Национальное знамя»), в этой типографии издавалась и литература. Всего было издано 17 наименований; в равной доле литературы учебной (8) и религиозной (8). К художественной литературе можно отнести лишь сборник памяти Габдуллы Тукая 1938 г. [20, s. 22].

Если учебную литературу, отпечатанную в токийской типографии, издавали частные лица, то в Мукдене издателем всегда выступало «Центральное религиозно-национальное бюро тюрко-татар мусульман Идел-Урала на Дальнем Востоке». В основном, это были учебники по татарскому языку: «Татарский букварь» («Алифба») и «Книги по чтению» (1938–1942, для 1–3 классов). Помимо этого, были изданы учебники по арифметике (1942), по грамматике арабского языка (1936) и «История тюрко-татар» Г. Баттала для старших классов начальной школы (1938). Помимо этого, в 1940–1942 гг. в Мукдене были вновь переизданы популярные труды А.-Х. Максуди по догматике и обрядовой стороне ислама («Намаз», «Гакаид», «Руза» и др.), которые традиционно использовались в учебных заведениях как учебные пособия по основам религии для начальных школ.

Между изданиями религиозной и учебной литературы, появившейся в Токио и Мукдене, очень много пересечений и схожих черт: примерно один набор авторов и названий. Возможно, самое принципиальное отличие – больший упор на историю тюрко-татар, характерный для татар в Маньчжурии. В Мукдене была переиздана очень популярная среди татар «История тюрко-татар» Г. Баттала. В Хайларе, по воспоминаниям Али Акыша, в качестве учебника активно использовали книгу по истории тюрко-татар Газиза Губайдуллина.

В других городах Дальнего Востока (Харбин, Шанхай и Кобе), где создавалась тюрко-татарская община, открывались школы и появлялась татароязычная литература и даже непродолжительные периодические издания на татарском языке, собственных типографий с арабскими шрифтами не было. Для печатания использовали в основном множительную технику: гектограф, литографию (*таш-басма*) и пр. Поэтому здесь распространение получили преимущественно полукустарные издания. В таких случаях речь не шла об издании учебников или учебных пособий. Или же для школьных нужд эти общины должны были заказывать учебную литературу, которая печаталась в типографиях Токио и Мукдена.

Подводя итог, в целом можно сказать, что издаваемые татароязычными эмигрантами учебники и учебные пособия были призваны обеспечить учебной литературой начальные (4–6-классные) национальные школы, в которых довольно сильным был гуманитарный и культурно-национальный компонент. При этом по причине малочисленности, отсутствия технической базы и недостаточности материальных ресурсов издавались отдельные, уже проверенные и популярные среди населения учебники по татарскому языку, национальной истории и началам арифметики. В силу ограниченности интеллектуальных ресурсов тюркоязычная эмиграция воспроизводила исключительно дореволюционное учебно-

педагогическое наследие, копируя или же переиздавая те книги, которые они сумели вывезти с собой в эмиграцию и бережно хранили все эти годы.

Литература

1. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории, первая половина XX века. – М.: Рус. панорама, 2005. – 430 с.
2. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги: 1896–1923 гг.: в 2 т. – Харбин: Тип. Кит. Вост. жел. дор. и Т-ва «Озо», 1923. – Т. 1. – 690 с.
3. *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае: 1917–1924 гг. – М.: Ин-т Рос. истории, 1997. – 245 с.
4. *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: российская эмиграция в Китае. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – 300 с.
5. *Кротова М.В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). – СПб.: Астерион, 2014. – 377 с.
6. *Akış A.* Aklımda kalanlar: Hatıralar – Konuşmalar. – Ankara: Neyir Matbaacılık, 2002. – 214 S.
7. *Usmanova L.* The Türk-Tatar Diaspora in Northeast Asia. Transformation of Consciousness: A Historical and Sociological Account between 1898 and the 1950s. – Tokyo: Rakudasha, 2007. – 367 p.
8. *Усманова Л.* Тюрко-татарская эмиграция в Северо-Восточной Азии начала XX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2005. – № 1. – С. 92–100.
9. *Мәңгәр Ә.* Хатирәләр һәм истәлекләр. – Казан: Гасырлар авазы, 1997. – 175 б.
10. *Ази (Агеев) Э.* Жизнь одного человека: незавершенная автобиографическая повесть. – Казань: Магариф, 2003. – 175 с.
11. *Мухаммадиш Р.* По дорогам моей жизни // Кузнецова Е.Б. Карлаг: меченые одной метой. – [Б. м.], 2010. – С. 264–282.
12. *Tahir M.* Nailar'daki türk-tatarların dini ve milli cemiyeti // Kazan (Ankara). – 1974. – № 11. – S. 35–40.
13. *Усманова Л.Р.* Первые мечети в Японии // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2005. – № 2. – С. 117–125.
14. *Исламов Р.* Кояш чыгышы иленән бер мәжмуга // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1996. – № 1/2. – Б. 255–264.
15. *Tahir M.* Tokyâda “Matbaâi Islamiye” // Kazan (Ankara). – 1975. – № 16. – S. 15–20.
16. *Dündar A.-M.* Uzak Doğu'da Idil-Ural Türklerinin Yayın Faaliyetleri ve Tokyo Mahalle-i Islamiye Matbaasi // Türkoloji Dergisi (Ankara). – 2003. – Cilt XVI, Sayı 2. – S. 103–116.
17. *Dündar A.-M., Misawa N.* Books in Tatar-Turkish printed by Tokyo'da Matbaa-i Islamiye (1930–38). – Tokyo: Toyo Univ., 2010. – 39 p.
18. *Сальникова А.А., Галиуллина Д.М.* Татарская «Алифба»: национальный букварь в мультикультурном пространстве (конец XIX – начало XXI вв.). – М.: НПБ им. К.Д. Ушинского, 2014. – 260 с.
19. *Марданишин М.* Сунгатулла Бикбулатов как педагог и историк. – Казань: Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АНТ, 2011. – 192 с.
20. *Tahir M.* “Milli Bayrak” matbaasi // Kazan (Ankara). – 1976. – № 18. – S. 20–23.

Поступила в редакцию
05.03.19

Усманова Диляра Миркасымовна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *dusmanova2000@mail.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 188–198

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.188-198

**The Publication of Educational Literature during the 1930s–1940s
by the Turkic-Tatar Emigre Representatives in the Far East**

D.M. Usmanova

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: *dusmanova2000@mail.ru*

Received March 5, 2019

Abstract

The paper discusses the situation with textbooks and educational literature published by representatives of the Turkic-Tatar emigre communities in the Far East during the 1930s–1940s. They were meant for the needs of Tatar primary schools (4–6 years) that functioned during the second quarter of the 20th century in most cities of Manchuria and Japan (Tokyo, Nagoya, Mukden, Harbin, Hailar, etc.) and were dominated by the humanitarian and Tatar cultural component. At the same time, due to the small number of communities, as well as the lack of technical base and material resources, separate textbooks on the Tatar language, Tatar history, and the basics of arithmetic operations created during the pre-revolutionary period were published and popular among the population. Thus, the Turkic-speaking emigre communities, for a number of reasons, could not create a new original content and published only what was in the pre-revolutionary educational and pedagogical legacy. Interestingly, these factors helped to preserve the continuity of generations for the new Turkic-Tatar emigre population and contributed to their inclusion in the general Tatar cultural context. It was also facilitated by the fact that the Far Eastern Tatar emigre communities used the Arabic script as the basis of the Tatar written tradition for the longest period of time (at least until the late 1940s – early 1950s).

Keywords: Turkic-Tatar emigre communities, Tokyo, Hailar, Mukden, educational literature, Muhammad-Gabdulkhay Kurbangaliev, Ahmet Hadi Maksudi, Mukhitdin Kurbangaliev, Galimjan Ibrahimov

References

1. Ablova N.E. *KVZhD i rossiiskaya emigratsiya v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii, pervaya polovina XX veka* [The Chinese Eastern Railway and Russian Emigration in China]. Moscow, Russ. Panorama, 2005. 430 p. (In Russian)
2. *Istoricheskii obzor Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi: 1896–1923 gg.* [Historical Review of the Chinese Eastern Railway: 1896–1923]. Vol. 1. Harbin, Tip. Kit. Vost. Zhel. Dor. T-va “Ozo”, 1923. 690 p. (In Russian)
3. Melikhov G.V. *Rossiiskaya emigratsiya v Kitae: 1917–1924 gg.* [Russian Emigration in China: 1917–1924]. Moscow, Inst. Ross. Ist., 1997. 245 p. (In Russian)
4. Ablazhei N.N. *S vostoka na vostok: rossiiskaya emigratsiya v Kitae* [From East to East: Russian Emigration in China]. Novosibirsk, 2007. 300 p. (In Russian)

5. Krotova M.V. *SSSR i rrossiiskaya emigratsiya v Man'chzhurii (1920s–1930s)* [The USSR and Russian Emigration in Manchuria (1920s–1930s)]. St. Petersburg, Asteron, 2014. 377 p. (In Russian)
6. Akış A. *What Remains in Memory: Memories, Interviews*. Ankara, 2002. 214 p. (In Turkish)
7. Usmanova L. *The Türk-Tatar Diaspora in Northeast Asia. Transformation of Consciousness: A Historical and Sociological Account between 1898 and the 1950s*. Tokyo, 2007. 367 p.
8. Usmanova L. The Turk-Tatar diaspora in Northeast Asia in the early 20th century. *Gasyrlar avazy – Ėcho Vekov*, 2005, no. 1, pp. 92–100. (In Russian)
9. Menger A.V. *Memoires*. Kazan, 1997. 175 b. (In Tatar)
10. Agi (Ageev) E. *Zhizn' odnogo cheloveka: nezavershennaya avtobiograficheskaya povest'* [One Person's Life: An Incomplete Autobiographical Tale]. Kazan, Magarif, 2003. 175 p. (In Russian)
11. Mukhammadish R. On the roads of my life. In: Kuznetsova E. *Karlag: mechenye odnoi metoi* [Karlag: Labeled with a Single Mark]. [B.m.], 2010, pp. 264–282. (In Russian)
12. Tahir M. Turkic-Tatar religious-national community in Hailar. *Kazan (Ankara)*, 1974, no. 11, pp. 35–40. (In Turkish)
13. Usmanova L.R. The first mosques in Japan. *Gasyrlar avazy – Ekho Vekov*, 2005, no. 2, pp. 117–125. (In Russian)
14. Islamov R. A journal from the land of the Rising Sun. *Gasyrlar avazy – Ekho Vekov*, 1996, no. 1/2, pp. 255–264. (In Tatar)
15. Tahir M. Tokyo “Islamic Printing House”. *Kazan (Ankara)*, 1975, no.16, pp. 15–20. (In Turkish)
16. Dündar A.-M. Printed products (= printed editions) of the Volga-Ural Turkic Tatars in the Far East and the Islamic Printing House in Tokyo. *Türkoloji Dergisi* (Ankara), 2003, vol. XVI, no. 2, pp. 103–116. (In Turkish)
17. Dündar A.-M., Misawa N. *Books in Tatar-Turkish Printed by Tokyo'da Matbaa-i Islamiye (1930–38)*. Tokyo. 2010. 49 p.
18. Sal'nikova A.A., Galiullina D.M. *Tatarskaya “Alifba”*: *natsional'nyy bukvar' v mul'tikul'turnom prostranstve (konets XIX – nachalo XXI vv.)* [Tatar “Alifba”: A National Primer in Multicultural Space (Late 19th – Early 21st Centuries)]. Moscow, NPB im. K.D. Ushinskogo, 2014. 260 p. (In Russian)
19. Mardanšin M. *Sungatulla Bikbulatov kak pedagog i istorik* [Sungatulla Bikbulatov as an Educator and a Historian]. Kazan, Izd. Inst. Ist. im. Sh. Mardzhani ANT, 2011. 192 p. (In Russian)
20. Tahir M. The Printing house of the Milli Bayrak Newspaper. *Kazan (Ankara)*, 1976, no. 18, pp. 20–23. (In Turkish)

Для цитирования: Усманова Д.М. Издание учебной литературы представителями тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке в 30–40-е годы XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 2–3. – С. 188–198. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.188-198.

For citation: Usmanova D.M. The publication of educational literature during the 1930s–1940s by the Turkic-Tatar emigre representatives in the Far East. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 188–198. doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.188-198. (In Russian)